

С. Н. АБАШИН

ИСЛАМОФОБИЯ

Война! Министр выглядит на экране телевизора сосредоточенным и уверенным. С кем война? «С международным терроризмом», – настаивает власть. «С исламским терроризмом», – уточняет услужливый эксперт. В телевизоре появляются мрачные бородатые люди, до зубов вооруженные, с арабском вязью на черных головных повязках. «С ваххабитами», – демонстрирует свои познания депутат-патриот. Бородачей с автоматами сменяет старинный мавзолей в Неджефе. «С варварами», – убежден отставной западник. На экране в который уже раз бегут полуголые окровавленные дети. «Все мусульмане в ответе!» – православный философ в рясе на фоне московской мечети. Телевизор гаснет. Ошарашенный зритель, прислушиваясь к звукам на улице, ложится спать. Завтра война продолжается...

У России появилась новая, ко всем прочим застарелым, болезнь. ИСЛАМОФОБИЯ. Болезнь быстро прогрессирует, поражая один за другим органы и ткани немолодого государственного организма. Исламофобия, как вирус, принимает самые разные обличия и встраивается в логику различных высказываний. В зависимости от того, куда помещает себя в идеологической системе координат тот или иной аналитик, исламофобия обретает специфические черты.

Западники и исламофобия

Наиболее радикальный взгляд на исламскую угрозу предлагают некоторые либеральные деятели, точнее те, кто идентифицирует себя с так называемыми западниками. Для западников, подозрительно относящихся к любой религии, ислам стал воплощением взбунтовавшейся архаики, варварством,

Сергей Николаевич Абашин – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

которое напало на цивилизованный мир, покусилось на западные ценности. Взгляду западника, как оказалось, вовсе не чужд поиск врагов. Развитие демократии и либерализма многими западниками воспринимается как борьба с отсталостью, варварством, как борьба с «анти-западом». Роль такого «анти-запада» до недавнего времени выполнял коммунизм. Но вот коммунизм повержен, и нужен новый враг, новое варварство. Ислам оказался удобным в этом качестве.

Типичным примером западнической позиции является статья писателя Василия Аксенова «Хватить вилять хвостом. Исламский терроризм и позиция интеллигенции». Она была написана в 2001 г., но, судя по другим публичным выступлениям, автор от своих взглядов не отказался. Аксенов отвергает всякую «политическую корректность», любое «лицемерие» и призывает осознать, что война идет не просто с террористами, а война «уже по крайней мере двадцать лет» идет «все-таки с исламом», «вернее, ислам ведет войну с нами, и с каждым годом, как мы видим, эта война становится все более непримиримой». Говоря о причинах войны с исламом, Аксенов отвергает любые оправдывающие ссылки на последствия колониализма, неравномерное распределение богатства, глобализм и европоцентризм, усматривая в таких аргументах «марксистский душок».

Первоначально Аксенов вроде бы оговаривается и дежурно уточняет, что «далеко не весь миллиард мусульман и даже далеко не все мусульманские страны питают яростную ненависть к демократиям западного толка». Войну ведет «определенное ядро», «актив верующих», «ваххабиты», «бесноватые», «самые исламистые исламисты», которые образовали «интернационал ненависти». Однако следующий тезис писателя не оставляет никаких сомнений в том, кого он считает врагом. Аксенов провозглашает устаревшим прежний западнический постулат – «нельзя обвинять целый народ». «Почему же нельзя?» – вопрошает своих единомышленников-западников автор статьи и призывает отказаться от «стереотипа российских правдолюбцев, доставшегося по наследству от все тех же пламенных кружковцев конца девятнадцатого века».

Статус известного и любимого писателя, человека, который когда-то был гоним коммунистической властью, дает своеобразный иммунитет от критики. Мало ли что сказал человек в запальчивости!.. Но, на мой взгляд, подобный статус обязывает, в первую очередь, самого его носителя не злоупотреблять своим авторитетом в спорных, мягко говоря, утверждениях. Ради красного словца писатель может преувеличить проблему, гиперболизировать ее. Но отдает ли себе отчет властитель дум в том, как общество будет жить, если оно откажется от какой-либо политкорректности и если признает принцип коллективной ответственности за совершаемые преступления? Понимает ли он, что даже публичное обсуждение таких предложений самым пагубным образом

сказывается на общественной морали и является оправданием погромов по национальному и конфессиональному признаку?

В этой проблеме есть очень важный для любого западника исторический аспект. Нынешняя исламофобия удивительным образом напоминает российский антисемитизм XIX – начала XX вв. Тогда евреи соединяли в себе отрицательные черты «чужака», не желающего ассимилироваться, мелкого буржуа, который эксплуатирует простой народ, революционера-террориста, выступающего против власти и порядка. Точно такие же претензии сегодня предъявляются мусульманам. Антисемитизм наиболее злое воплощение приобрел во время Холокоста, когда фашисты применили к евреям принцип коллективной ответственности. Разве этот опыт не стал, как казалось, сильным противоядием против любой, подчеркиваю – любой, ксенофобии? Увы, парадокс заключается и в том, что в современной еврейской общине, пережившей на себе все ужасы антисемитизма, исламофобские настроения очень сильны из-за сложной ситуации на Ближнем Востоке. И стигма жертвы несправедливой фобии, которую носят или преподносят многие лидеры этой общины, является, к сожалению, нередко странным оправданием фобии в отношении ислама.

Конечно, Аксенов и другие сторонники принципа коллективной ответственности – люди в здравом уме, чтобы не помнить историю и не знать, что означает в действительности провозглашаемая ими «реформа» либерализма. Почему же эти идеи находят отклик среди западников? Любая фобия – явление иррациональное. Ее нельзя объяснить логически. Однако поиск врага и «чужого» – это еще и удобный инструмент, с помощью которого повышаются рейтинги, из ничего вырастают популярные политические партии, мелкие политики становятся уважаемыми политиками, лица которых не сходят с экрана телевизора. По-видимому, популярность нужна и многим западникам, которые не в состоянии предложить обществу какую-то разумную программу развития.

Консерваторы и исламофобия

Консервативная точка зрения на ислам является сегодня преобладающей. Она имеет много разных оттенков, но суть ее сводится к следующему. Во-первых, ислам рассматривается не как самостоятельная угроза России, а как производная от других угроз. Во-вторых, ислам не рассматривается как нечто единое, а из него выделяются, как минимум, два разных ислама – «традиционный ислам», который лоялен России, и «ваххабизм», который однозначно враждебен России. Ярлыки у «ваххабизма» могут быть самые разные – «фундаменталисты», «исламисты», «салафиты».

Например, в статье «Параллельный ислам – идеология бандитизма» некто А. Н. Савельев, один из главных идеологов рогозинской фракции «Родина»,

пишет, что к использованию «параллельного ислама» (ваххабизма) против России «оказались причастны» не только «некоторые арабские страны», но и Запад, который «преследовал цель окончательного выведения России из списка геостратегически значимых государств». Были в этом процессе задействованы и экономические интересы нефтяных корпораций, «пытающихся в условиях нестабильности оседлать каспийский шельф». Савельев противопоставляет ваххабизму «традиционный ислам, его российской формы – умиротворенной по отношению к российской государственности». Подобные взгляды разделяют не только «профессиональные патриоты», но и некоторые ученые-исламоведы, а также отдельные деятели, которые объявили себя «исламским духовенством».

Исламофобский характер этих рассуждений, на первый взгляд, неочевиден. Ислам в целом не рассматривается в качестве врага. «Хорошие» мусульмане отделяются от «плохих». Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что и «ваххабизм» и «традиционный ислам» – химеры, созданные исламофобским воображением. Проблема в том, что никто до сих пор не смог предъявить понятный список тех признаков, с помощью которых можно отличить «хороший» ислам от «плохого». Любая попытка создать такой перечень обязательно затрагивает фундаментальные основы ислама. По сути, *любой мусульманин*, если он верующий мусульманин, на практике может оказаться под подозрением в «ваххабизме». Что и позволяет характеризовать данную точку зрения как исламофобскую.

Разумеется, ислам, как и любая другая религия, крайне противоречив, содержит в себе самые разные предписания, утверждения, течения, многие из которых выглядят, мягко говоря, нетолерантно. Но выкинуть из ислама то или другое мнение, вычеркнуть то или другое течение невозможно, не ущемив ислам как мировую религию со сложной и великой историей. Точно так же невозможно, допустим, из православия или из католичества вычеркнуть какие-то мнения или имена, которые сегодня кажутся сомнительными и одиозными.

Православная исламофобия?

В консервативном лагере есть свои радикалы, жаждущие войны с исламом. Я бы не стал трогать тему православной исламофобии, чтобы не раздувать огонь «войны религий». Но после статьи профессора богословия и кандидата философских наук о. А. Кураева в «Известиях» в 2004 г. под названием «Как бороться с терроризмом без спецназа» пора заливать водой пламя, в которое вылили цистерну бензина!

Разоблачительный пафос Кураева напоминает высказывания Аксенова. Профессора богословия тоже не устраивают заклинания «у бандитов нет веры». «Есть, есть у них и матери, и отцы, есть то, чему эти бандиты научились

не в спецлагерях, а у себя дома, есть то, что они усвоили из своих национальных преданий и религиозных наставлений». Вслед за Аксеновым главным пунктом своих рассуждений Кураев делает «вопрос о групповой солидарности, групповой ответственности». Отец дьякон, верный своим философским привычкам, подводит теоретическую базу под свою исламофобию. Он вспоминает средневековый спор реалистов и номиналистов. Первые признавали реальность отвлеченных категорий, вторые – реальность только того, что конкретно, видимо и осязаемо. Оказывается, по Кураеву, спор о коллективной ответственности, – это спор номиналистов (западников?) и реалистов (консерваторов?). Западники (номиналисты) признают только личную ответственность за преступления. Консерваторы (реалисты) полагают, что террорист – продукт национальной и религиозной среды, которой он родился, рос и воспитывался, а значит, ответственность за террориста должна нести культура и религия, к которой он принадлежит. «Так несут ли культура, нация ответственность за то, что они хранят в качестве своего “здорового смысла”, что передают своим детям в качестве стандарта жизни? Если в национальной культуре есть некие черты, способствующие терроризму, эту культуру надо менять, выдергивая из нее “зубы дракона”.... Если семя ненависти, скажем, не в языке, а в религии, и на нее надо оказывать давление, заставляя мутировать...» Как говорится, без комментариев!

Власть и исламофобия

Зададим себе вопрос: существует ли государственная исламофобия и государственное преследование мусульман? Скорее нет, чем да. По сравнению с православием, ислам, безусловно, менее обласканная властью религия, хотя 10–15 млн. мусульман (людей, которые независимо от того, являются ли они активными верующими, принадлежат к мусульманской культуре) – это вторая по численности в России культурно-религиозная общность. Чтобы убедиться в этом, сопоставьте число мечетей в Москве и число православных храмов, а потом подсчитайте численность мусульман среди москвичей! С другой стороны, по сравнению с другими конфессиями – католиками, протестантами, какими-нибудь мормонами и иеговистами – ислам считается скорее предпочтительной религией. Власть все-таки время от времени демонстрирует свое уважение к исламу, вступает с мусульманскими лидерами (реальными или мнимыми – это другой вопрос) в какой-то, пусть формальный, диалог, приглашает их на государственные ритуалы, пытается как-то задобрить. Прикормленные исламские деятели готовы выполнять любые пожелания власти и некоторые из них выступают чуть не в первых рядах борьбы с «международным терроризмом».

В последние годы было несколько незначительных антиисламских акций, которые можно было бы квалифицировать как государственную исламофо-

бию. Это, например, признание в 2004 г. московским судом экстремистской изданной по-русски книги Мухаммеда ибн Абд-ал-Ваххаба, основателя саудовского «ваххабизма». Но это скорее глупость и невежество чиновников, нежели продуманная политика. Богослова, который жил в XVIII в. в Аравии, обвинили в том, что он подрывает конституционные устои Российской Федерации! С таким же успехом можно было бы в экстремизме обвинить протопопа Аввакума или вычеркнуть из Ветхого завета главы с жестокими описаниями войн и погромов за сомнительные призывы к религиозной нетерпимости.

Более похожи на проявление государственной исламофобии принятые в конце 1990-х гг. в Дагестане и некоторых других кавказских республиках законы о «запрете ваххабизма», которые при особом рвении чиновников позволяют любого верующего мусульманина зачислить в ряды экстремистов. Однако, строго говоря, сами по себе эти документы юридически совершенно ничтожны, да и созданы они не центральной властью, а местными, кавказскими, деятелями для того, чтобы бороться даже не с мусульманами, а с соперничающими кланами.

Верховная власть, которая, без всякого сомнения, больна подспудной исламофобией, умеет чаще всего сдерживать себя и не выставлять свои настроения на показ. Об этом говорит история с требованием мусульманок фотографироваться для паспортов в платках. Не идя, в том числе публично, ни на какие уступки вначале, власть вдруг внезапно поменяла свое мнение и согласилась с просьбой верующих женщин. Дело о платках, которое буквально взбунтовало мусульман европейских стран, в России прошло почти незаметно.

Тем не менее, при необходимости власть или некоторые представители власти охотно прибегают к исламофобской риторике. Антиисламские нотки усиливаются, когда власть обращается к Западу, апеллируя к тем слоям или кругам, которые испуганы «международным терроризмом» или которые используют жупел «исламской угрозы» в своих собственных политических интересах. Эти слабые сигналы доходят и до российского общества, усиливаясь по пути «мнениями» и «точками зрения» всевозможных политологов и экспертов, близких к власти. В результате, даже если власть по прагматическим соображениям не желает того, исламофобия в обществе растет не по дням, а по часам.

* * *

Все сказанное не означает, что не существует никаких проблем в Чечне, на Кавказе в целом, не взрываются машины и дома в Узбекистане или в Ираке, не существует терроризма или преступных группировок, которые заявляют о своей приверженности исламу. Все эти проблемы или конфликты, к сожалению, имеют место быть. Однако это не проблемы ислама как религии

или мусульман как последователей своей религии. Существуют «горячие точки» на Северном Кавказе, но причины их в Чечне, Дагестане или на границе Ингушетии и Осетии совершенно разные. Есть свои трудности и противоречия в Татарстане и соседней Башкирии. Есть проблема наркотиков, Афганистана и сложностей во взаимоотношениях между Россией и Средней Азией. Есть проблема растущей миграции и увеличения мусульманского населения в российских городах. Существует множество проблем и конфликтов, но связать их между собой какой-то одной причиной или идеей, назвав это все «конфликтом с исламом» или «конфликтом с исламским экстремизмом», было бы глубоко ошибочно по существу и абсолютно неверно с точки зрения поиска выхода из сложных ситуаций. В каждом из названных конфликтов нужно вдумчиво разбираться, искать те факторы, которые разжигают страсти и которые могли бы эти страсти погасить. Нужно создавать условия для самого широкого диалога всех политических, общественных и религиозных сил, в том числе людей с оружием, не рассматривая априори каждую из них как какую-то неправильную или «чужую». И это будет возможно, если будет – цензурой или судом, либо мнением авторитетных людей – недвусмысленно осуждена и прекращена исламофобская истерия.